

Филиппов Василий Дмитриевич

Самарский государственный технический университет

Filippov Vasily

Samara State Technical University

ТЕОДОР ФИШЕР: ПЛАН И СТРОИТЕЛЬНЫЙ РЕГЛАМЕНТ МЮНХЕНА 1904 Г.

THEODOR FISCHER: PLAN AND BUILDING REGULATIONS MUNICH 1904

Обсуждены вопросы сохранения градостроительного наследия российских городов и предлагаемые методы его сохранения. Приведены исследования морфологии российских городов как пример научного подхода к описанию среды города в качестве возможного объекта для сохранения. Описана история плана расширения и градостроительного регламента Мюнхена, созданных Теодором Фишером и основанных на задании морфологии городского пространства, принятого в 1904 г. и актуального 75 лет, вне зависимости от власти в Германии. План и регламент стали основой для развития города, его восстановления после Второй мировой войны и сохранения его городской среды.

The issues of preserving the urban planning heritage of Russian cities and the proposed methods of its preservation are discussed. The study of the morphology of Russian cities is presented as an example of a scientific approach to the description of the urban environment as a possible object for conservation. The history of the expansion plan and urban planning regulations for Munich, created by Theodor Fischer and based on the task of the morphology of urban space, adopted in 1904 and current for 75 years, regardless of the government in Germany, is described. The plan and regulations became the basis for the development of the city, its restoration after World War II and the preservation of its urban environment.

Ключевые слова: архитектурная среда, план расширения города, строительный регламент, Теодор Фишер

Keywords: architectural environment, city expansion plan, building regulations, Theodor Fischer

«Город в каком-то смысле нечто живое, и, как всё живое, нечто изменчивое».

Теодор Фишер

Исторический и современный российский город

Сохранение исторического наследия городов – актуальная тема как исследований, так и выработки комплексных методик [1]. Уже давно всем понятно, что это сохранение не должно ограничиваться сбережением отдельных зданий, представляющих историческую или архитектурную ценность. Однако, ценность городской среды, в основном, описывается у нас на чувственном уровне, с аргументами из философии, психологии или социологии. Такой возвышенно-чувственный подход приводит к тому, что сохранение исторической среды в российских городах стало зависеть вовсе не от градостроителей, а от культурного уровня «недавних горожан» [2] или «деятельностных субъектов» [3].

Подмена понятия исторической среды города понятием ощущений от неё имеет тут вполне объективные причины из истории отечественного градостроительства. Наследие дореволюционной России (обычно его относят к исторической застройке) в планировке и застройке городов с наступлением плановой экономики стало поляной для неограниченных

экспериментов архитектора: конструктивиста, творца городов-демонстраторов достижений социализма, утилитариста и, наконец, советского модерниста. Так как эти архитекторы в моменты своего всевластия над городами не были ограничены ничем, кроме плановых указаний и своих представлений об идеальном городе, мы в городах имеем среду, которая соответствовала этим обстоятельствам. С концом плановой экономики власть архитектора закончилась, он стал персоналом застройщика, у которого представлений об идеальном городе, как правило, не было, поэтому в результате получилась среда для максимального извлечения застройщиком прибыли. Жителю такой среды, как замену городу, предоставили благоустроенную индивидуальную жилую ячейку в бетонном блоке. Так как никаких средств, кроме генерального плана, для регулирования места, где находится город, уже давно не было известно, по сути для его защиты был создан новый, но всё же генеральный план [4], где явно прописали хоть какие-то зоны, запретные для извлечения сверхприбыли. Эта паллиативная мера отчасти замедлила уничтожение исторической среды, но, в силу неадекватности концепции советского генерального плана как инструмента регулирования, с одной стороны продолжилась её деградация, а с другой – развитие города происходило фактически в стороне от этого плана [5]. Градостроительство

с благоустроенными ячейками как заменителями города, возродило интерес к историческому городу с его соразмерной человеку средой и к его изучению. Но так как в градостроительстве плановой экономики инструменты для изучения такого города (он был продуктом экономики рыночной) были утрачены, в большинстве случаев всё свелось к изучению своих чувств и эмоций, что вызвало желание превратить этот так и не понятый город (чтоб сохранить его, как источник своих ощущений) в музей, с отреставрированными нарядными фасадами (не более того), для привлечения туристов, с содержанием его, вероятно, за их счёт, забыв при этом об интересах и условиях обитания жителей этого музея [6,7].

Исключение составили исследования морфологии исторического города в попытке понять, что собой представляет его структура, которая и вызывает эти прекрасные чувства. С целью не только её сохранения, но и воспроизводства путём регламентации дальнейшей его застройки. Впервые такие исследования были проведены в Санкт-Петербурге, где для исторического центра города были выявлены предельные размеры зданий, этажность, расстояния, отступы и параметры деталей архитектурного оформления [8-10]. Подобные исследования были проведены и в Самаре, где на основании изучения элементарной ячейки старого провинциального города, «самарского двора», были обоснованы возможности его реконструкции и развития [11-13]. В Новосибирске объектом такого изучения стал весь город, включая советскую и современную застройку. Чтобы как-то упорядочить результаты исследования, было введено понятие части города с однородными свойствами городской среды или «*локально-целостного градостроительного образования*» [14]. Только в одном Новосибирске было обнаружено 53 класса таких образований в 20 типологических группах. [15]. Результат говорит о беспорядочности застройки города (что, вероятно, свойственно и всем большим современным российским городам – как пример, можно привести похожее, но ограниченное центром города исследование в Самаре [16]), а также о больших различиях в качестве жилой среды между этими образованиями. И, в связи с этим, о необходимости как-то выровнять эти различия путём уменьшения разнообразия при дальнейшем развитии города. Эта же необходимость возникла в конце XIX в. в Мюнхене из-за быстрого развития города, там был найден инструмент решения этой проблемы, и она была успешно решена.

Мюнхен в конце XIX века и Бюро расширения города

Население Мюнхена в 1870 г. составляло 163500 человек, к 1900 г., за счёт миграции и присоединения пригородов, оно выросло до 490000 [17], то есть за 30 лет в три раза. Это вызвало бурный и практически неконтролируемый рост жилищного строительства. План расширения города, разработанный в то время город-

ским советником Арнольдом Зенетти, был основан на регулярной сетке прямых улиц в соответствии с принципами Рейнхарда Баумайстера. Для прокладки этих дорог необходима была конфискация попадавших по пути городских земель, так как практически все земли были в частной собственности, а в Баварском строительном кодексе законодательная основа для конфискации отсутствовала. Это привело к необходимости переговоров с бесчисленным количеством землевладельцев, при этом город рос рядом и сам по себе, хотя всё же некоторую часть своих планов Зенетти смог реализовать. Незадолго до своей смерти, в 1891 г. он вынужден был признать: «*Мы даже десять лет назад еще слишком мало думали; Город возрос над нами и приобрёл такое расширение, что все надо охватывать гораздо дальше и больше, чем это можно было себе представить*» [18]. Власти Мюнхена поняли, что план Зенетти «*не вполне соответствует степени сегодняшнего и будущего развития столицы*» и в «Немецкой строительной газете» в июле 1891 г. объявили конкурс проектов расширения города. В жюри вошли виднейшие градостроители того времени: немецкие Рейнхард Баумайстер (Reinhard Baumeister), Йозеф Штюббен (Josef Stübбен) и австрийский Камилло Зитте (Camillo Sitte), а также архитектор Рейхстага Пауль Валло. В задачу жюри не входило выявление победителя, скорее, это был поиск плодотворных идей для дальнейшей разработки. Было выбрано 4 лучших проекта, в окончательном протоколе комиссии по расширению города (несмотря на ряд практических недостатков, отмеченных Баумайстером и Штюббенем), «самым выдающимся» был назван проект профессора Технического университета Ахена Карла Хенрици (Karl Henrici), он в нём на практике стремился реализовать идеи недавно, в 1889 г., вышедшей книги Камилло Зитте «Художественные основы градостроительства». Город в проекте делился на районы, их центрами были площади с общественными зданиями, в пояснительной записке основная идея была изложена так: «*Я старался направить свои улицы так, чтобы, оставив одну группу площадей, сразу были бы видны башни центра следующего района, таким образом появляются новые перспективы вместе с новыми точками отдыха для глаз*» [18].

После подведения итогов конкурса новый городской советник Вильгельм Реттиг в 1893 г. организовал Бюро расширения города (Stadterweiterungsbüro) и, в продолжение идей конкурса, его главой назначил не дорожного строителя, как было в таких случаях принято, а молодого архитектора, до этого работавшего у Пауля Валло на проекте Рейхстага, затем и в Мюнхене у Габриэля фон Зайдля, 30-летнего Теодора Фишера (Theodor Fischer) [18].

Планирование дорожной сети и площадей Мюнхена

Несомненно, проект Хенрици стал для Теодора Фишера некоей отправной точкой. Однако известно,

Рис. 1. Теодор Фишер, 1897 г. (литография Карла Бауэра) и изменение существовавших красных линий в районе Гогенцоллернитрассе, 1895 г. [19]

что Фишер ещё в 1890-м сам изучил книгу Зитте и в своих записях поддержал её идеи [18]. Поэтому в его плане Мюнхена нет совпадений с планом Хенрици. Общей у этих планов была идейная основа – живописный город Камилло Зитте, и характер изменений существовавших красных линий однозначно на это указывает (рис. 1). Кроме того, Фишеру следовало кое-где завершать и городские проекты развития в правильной прямоугольной сетке, начатые Зенетти. Но с практической стороны сложнее всего было согласование планов развития с интересами собственников земли, что геометрические планы Зенетти полностью игнорировали, поэтому став утопией. Так квартал за кварталом, улица за улицей, Фишер, с двумя чертёжниками в подчинении, [19] заново стал составлять план города, сшивая разросшуюся городскую ткань красными линиями улиц и площадей.

Фишер считал экспроприацию «опасным оружием, чье простое и неосторожное применение может быть удобным, но чья свобода открыла бы путь для схематичного эгалитаризма или пустого произвола в форме «дверей и ворот». Позже он написал: «Чем меньшую ценность представляет план развития, тем больше ему требуются законы об экспроприации» [18]. Поэтому планирование вдоль существующих границ собственности было в Мюнхене общим правилом. Но не только (и даже не столько) права собственности являлись для Фишера существенным обстоятельством в планировании расширения города. Скорее, он их считал частью ещё более важного для себя обстоятельства:

«Века оставили на нашей земле черты и морщины всех видов, к которым мы должны относиться с почтением. Что говорит нам старая загородная полоса, о чем говорят границы суши или округа? ... Что это за старая стена и этот старый ров? Все должно быть выровнено, нивелировано. Старая земля, что пронесла на себе и пережила судьбы стольких поколений, долж-

на быть сделана новой и нетронутой одним махом, росчерком пера какого-то чиновника, для облегчения работы чертёжника ... Удалите это, и произволу путь открыт, а произвол неизбежно последует схеме или манере. ... Разве мы так не теряем больше, чем могли бы выиграть?» [18]

Основным приёмом в планировании, как и у других градостроителей, было создание сети дорог, но, в связи с вниманием к сложившимся условиям, квартал у Фишера приобрёл вид изогнутого квадрата или прямоугольника. Треугольная форма являлась для него (из-за неудобств при организации движения и таких же неудобств планировки квартир в зданиях такого квартала) плохой и оттого нереконструируемой (рис. 2). Стороны квартала были длиной от 50 до 100 м, чаще всего исходной формой был прямоугольник 1:2, но для удобства, как строительства, так и движения, Фишер, по возможности, предпочитал квадрат [20].

Для Теодора Фишера движение являлось изменчивой «душой города» [21], а дороги были «скелетом», на котором выростала «плоть поселений» [22]. В этом он мало отличался от лучших в то время немецких градостроителей Баумайстера и Штюббена. Отличие было в другом. При планировании Фишера улицы Мюнхена естественным образом приобретали плавные изгибы, что при движении каждый раз открывало новый вид и новую перспективу. Вот как впоследствии он это описал в своих лекциях:

«Впервые мы на самом деле сталкиваемся с необходимостью эстетики, средства, которое в наших глазах, то есть я прокладываю правильный вывод дороги, чтобы создать впечатление пространства, но с особым акцентом на форму движения. Пребывание на этих длинных улицах связано не с нашим намерением и природой данного пространства, а с движением в одном направлении. Так что это психологически очевидное требование, чтобы я дал этому пространству цель, которую получают глаза тех, кто движется. В этом можно признать

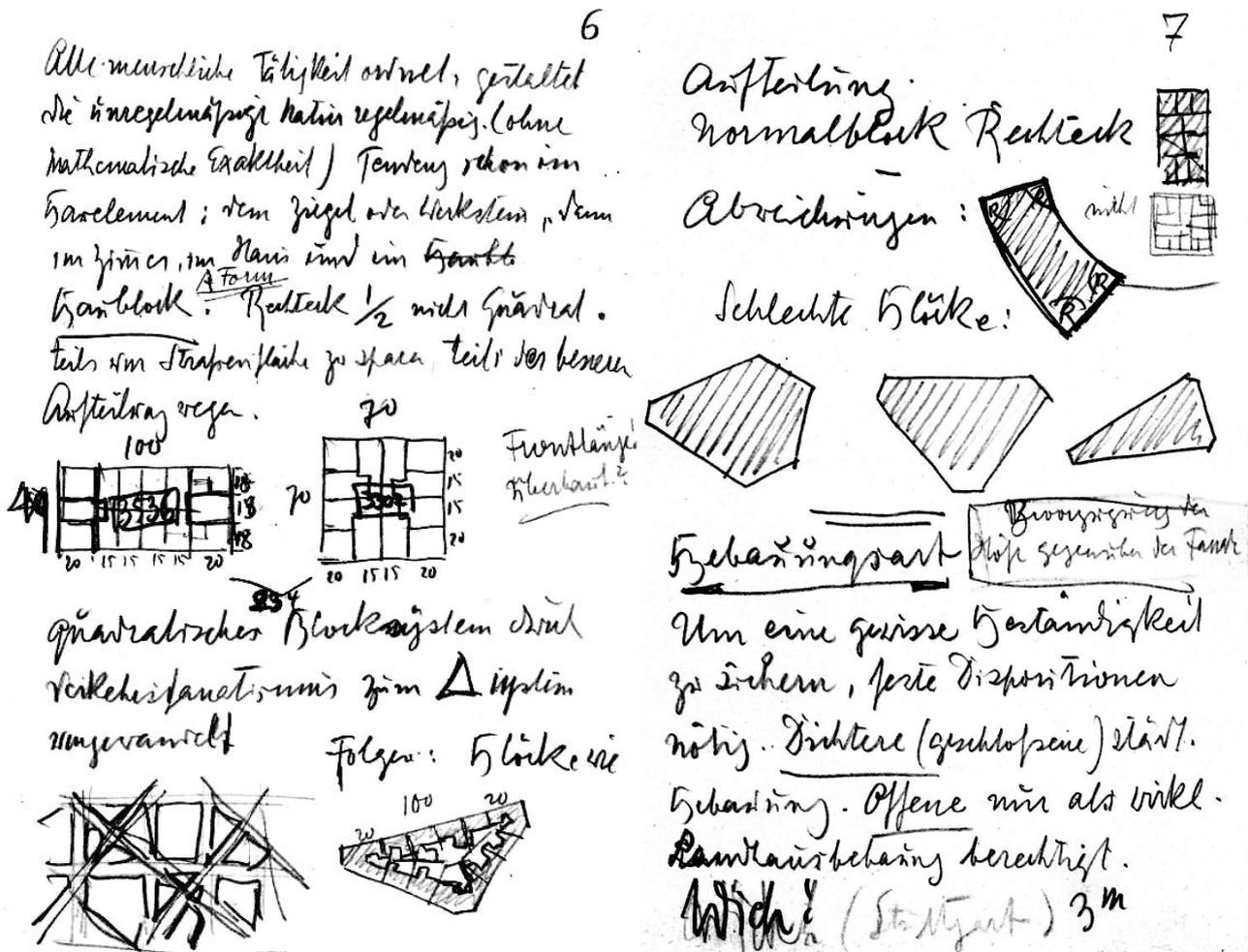

Рис. 2. Теодор Фишер. Рисунки для лекций: нормальный квартал, отклонения нормального квартала и «плохие» кварталы. (Architekturmuseum TU München) [20]

первый эстетический принцип градостроительства, не опасаясь столкнуться с неопределенными теоретическими и гипотетическими основаниями» [23].

Это прямо следовало из идей «живописного города» Камилло Зитте, но, в отличие от его догматичных последователей (к примеру, Хенрици), Фишер никогда не отказывался, если была возможность, от прямых участков улиц. Но длина этих участков должна быть ограниченной, и они должны завершаться «целью для глаз» тех, кто по ним движется. В отличие от Баумайстера, который планировал город из функции его движения и, кроме прямых и длинных (для глаз бесконечных) дорог, в городе ничего не видел, Фишер в Мюнхене пришёл к таким же выводам, что и Штюббен в Кёльне, где он был городским советником с 1881 по 1898 гг., также став сторонником идей Камилло Зитте. Но Фишер допускал у себя прямые улицы, а Штюббен у себя – изогнутые. У обоих всё зависело от условий конкретного места в городе, ведь для Фишера «произвольная нерегулярность [была] намного хуже, чем произвольная или идейная регулярность» [18]. Всего за его подписью было составлено более 400 чертежей красных линий (рис. 3).

Проблемы застройки Мюнхена

Однако, живописно и, в то же время, рационально спланировать расширение города оказалось явно недостаточно. Как было сказано, во многих местах он вырос сам по себе. И, если проложить дороги с учётом существующей ситуации было непросто, но возможно, то собрать эту застройку в единый город, учитывая, с одной стороны особенности каждого места, а с другой – создать это самое единство, такая задача виделась едва ли выполнимой. Объективно проблема делилась на 2 взаимосвязанные части: учесть при застройке местные особенности и привести застройку в гармоничное состояние в пределах каждого места, а каждое место привести в гармонию с другими частями города.

По первой части задачи ещё в 1876 г. Баумайстер в книге, которая считается первым фундаментальным научным справочником по градостроительству, в своём представлении города будущего, предложил исторически первый вариант деления города на зоны: зона крупной промышленности и больших складов с кварталами поблизости – для «рабочих, служащих и даже

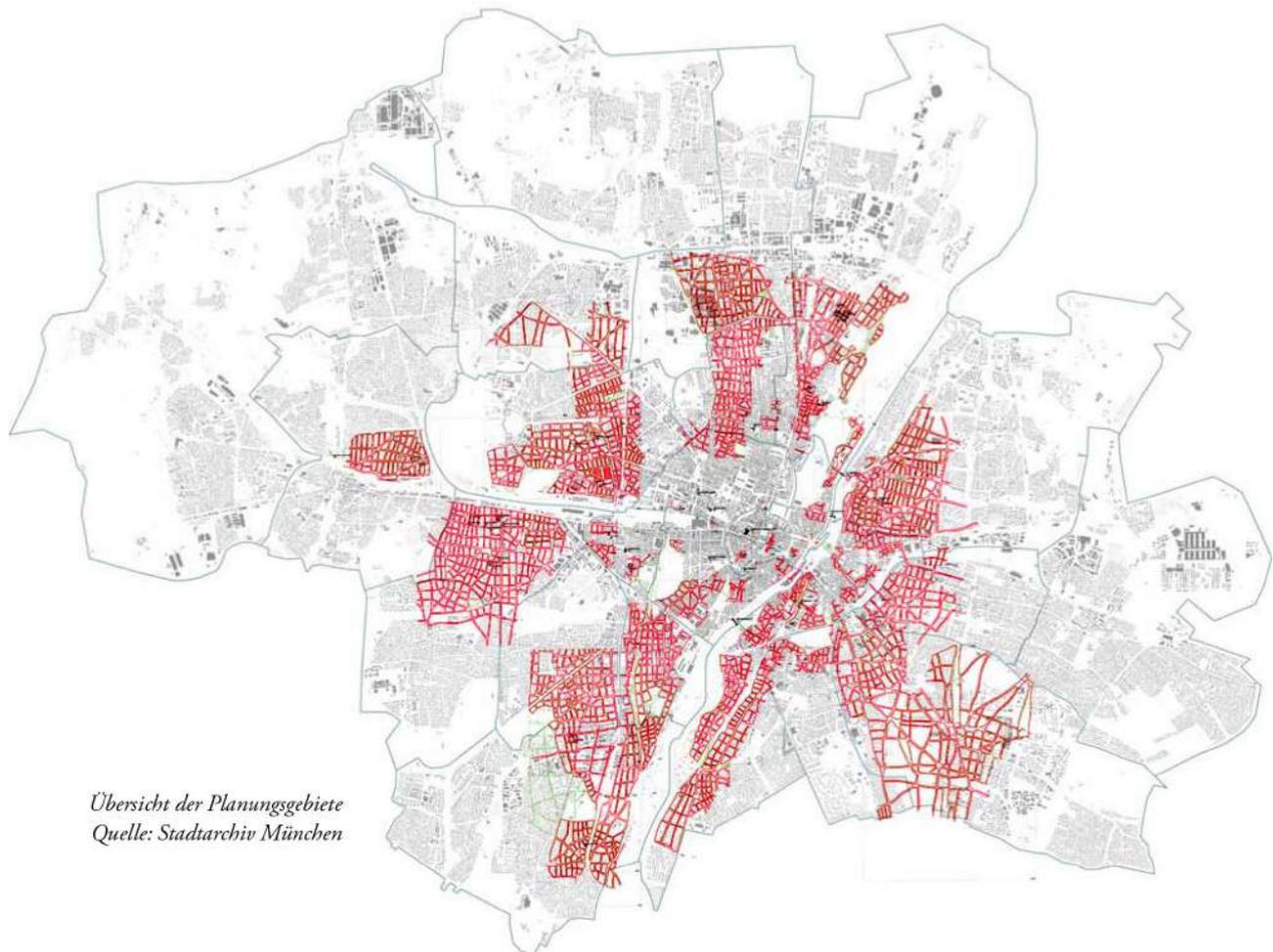

Рис. 3. Планы строительных (красных) линий Мюнхена, подписанные Теодором Фишером [21]

владельцев заводов»; зона «малого бизнеса и розничной торговли», жильё в которой «должно быть объединено с коммерческими учреждениями»; зона жилья для «не имеющих профессии (рантье), для тех, кто работает вне жилища и людей всех видов благосостояния» [24]. Каждой зоне при планировании города должны создаваться оптимальные «местные условия». На практике же первый закон о зонировании реального города был принят во Франкфурте в 1881 г., его инициировал обер-бургомистр Франц Адикес (Franz Adickes): он разделил город на внутренний и внешний, а внешний – на зоны (жилые, фабричные, смешанные кварталы), с регламентами застройки участков и высоты зданий, что заблокировало спекуляции землёй и, наряду с новым земельным законом, давшим возможность объединять неудобные мелкие участки обменом с собственниками и экспроприацией, привело к росту жилищного строительства. Йозефу Штюббену были известны идеи Баумайстера и практика Адикеса, в своём фундаментальном справочнике «Градостроительство» (Der Städtebau) в 1890 г. он изложил и, в то время являясь городским советником в Кёльне, в 1893 г. предложил свои идеи зонирования для реализации в городе. Закон о зонировании (Zonenbauordnung)

Кёльна был принят в 1896 г. и разделил город на 4 района: в первом (центр города) допускались жилые здания не более 4-х этажей, во втором (фабричные зоны и ряд других) – не более 3-х этажей, в третьем и четвёртом (большинство окраин города) – не более 2-х этажей [25]. Идеи Штюббена и их осуществление в Кёльне можно назвать прямым предвестием работ Фишера в Мюнхене.

Но перед Фишером стояла и вторая часть задачи – город как гармоничное единство. Рейнхард Баумайстер, будучи не архитектором, а дорожным инженером, как-то написал: «Архитектурная красота не является задачей строительной полиции, она получается сама по себе. ... Индивидуальная свобода не ведёт к безобразию» [24]. Практика в Мюнхене не совсем совпадала с представлениями основоположника градостроительства как науки. Применение в процессе роста города строительных норм центра города для его окраин «не остановило, а расширило спекуляции земельными участками и зданиями на основе предельно допустимых норм строительной полиции», что привело к «жилищным условиям, которые являются наиболее плачевными с точки зрения здравоохранения» [17]. Для того, чтобы как-то улучшить положение

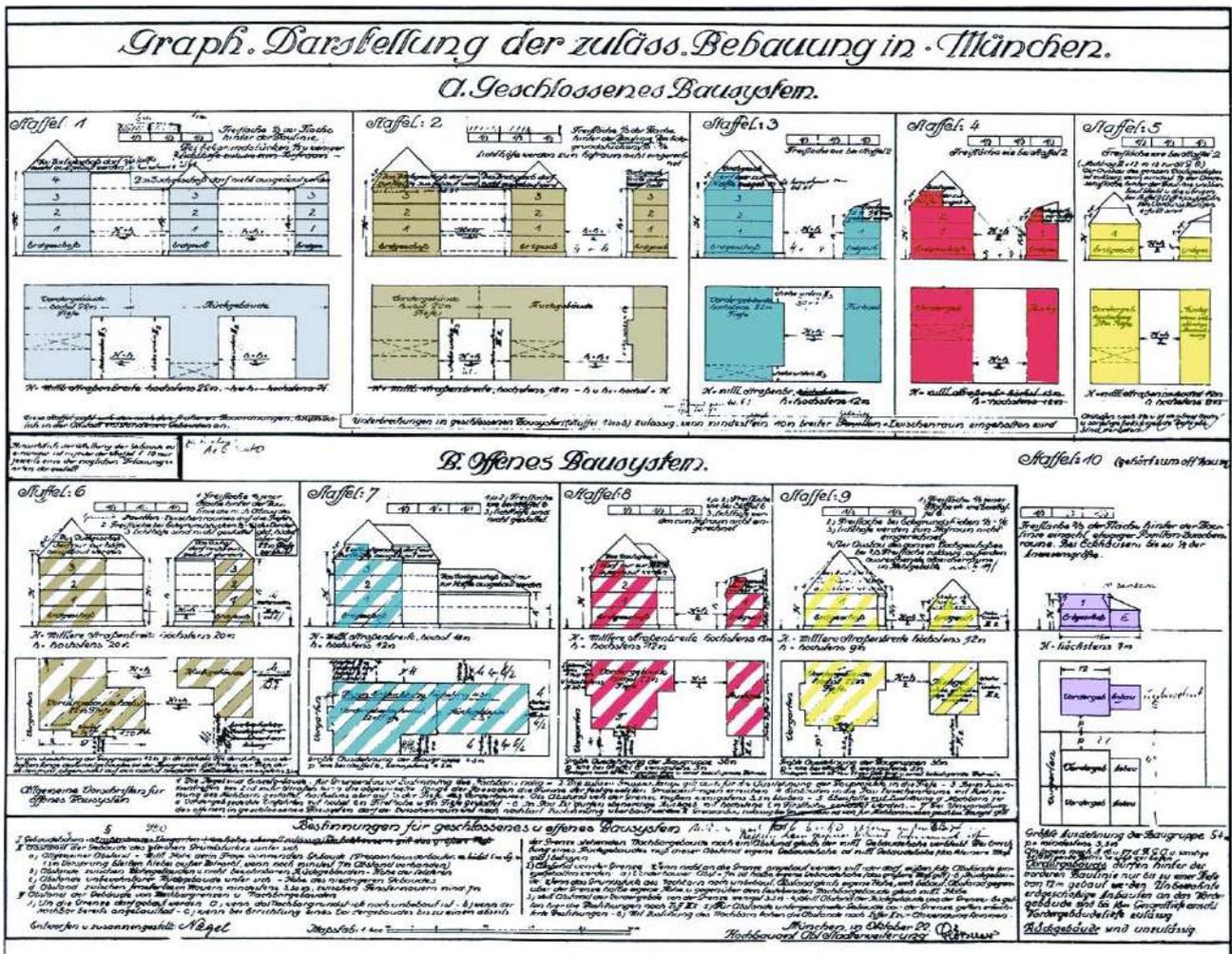

Рис. 4. Теодор Фишер: штафели строительного регламента (Staffelbausystem) Мюнхена (muenchen.de)

ние, в 1876 г. приняли закон, разрешавший для нового строительства, в дополнение к закрытой (брандмаурной) жилой застройке, открытую или павильонную (pavillon-bausystem) застройку отдельными стоящими зданиями [17], что должно было способствовать улучшению условий гигиены в таких домах, при этом ограничения на этажность и на их взаимное расположение в каждом случае рассматривались строительной полицией вместе с органами здравоохранения. О том, что получилось в результате, можно получить представление по отрывку одной из лекций Теодора Фишера:

«Далеко не все считают, что контраста, самого по себе, в градостроительстве следует избегать. Ведь без него едва ли можно представить какой-либо художественный эффект. Контраст – в каждом возвышенном теле, контраст – каждая тектоническая закономерность природы, каждый артефакт. Но создание контраста, самого по себе – это не искусство, искусство в преодолении всего, что противоречит единству – только растворение диссонанса приносит удовлетворение. Единство в городском планировании сейчас является очень непростой для достижения целью. ... Можем ли мы найти единство в современном

районе? Мы его не найдём. В лучшем случае, дом является единым для себя, иногда един только его портал, эркер; и мы уже довольны этим. Даже система открытой застройки, предписанная властями, делает любое стремление к единству иллюзорным. – Что мы видим? Рваная, угнетающая масса; каждый дом в открытой конкурентной борьбе со своим соседом. Мало того: каждое здание распадается на части, одной из них противно существование другой» [23].

Так Теодор Фишер пришёл к выводу о том, что следует не только, для учёта местных условий, устанавливать в разных местах разные ограничения по этажности и правила расположения зданий, но и, для гармоничного их объединения, сами здания должны быть вполне определённых, и для каждого места своих, сочетаний форм и размеров.

Система штафелей как основа градостроительного регламента и плана Мюнхена

При обследовании города Фишер внимательно изучал существующую застройку: этажность, размеры дворов, размеры зданий, их расположение

STAFFELBAUPLAN DER KGL. HAUPT- UND RESIDENZSTADT MÜNCHEN.

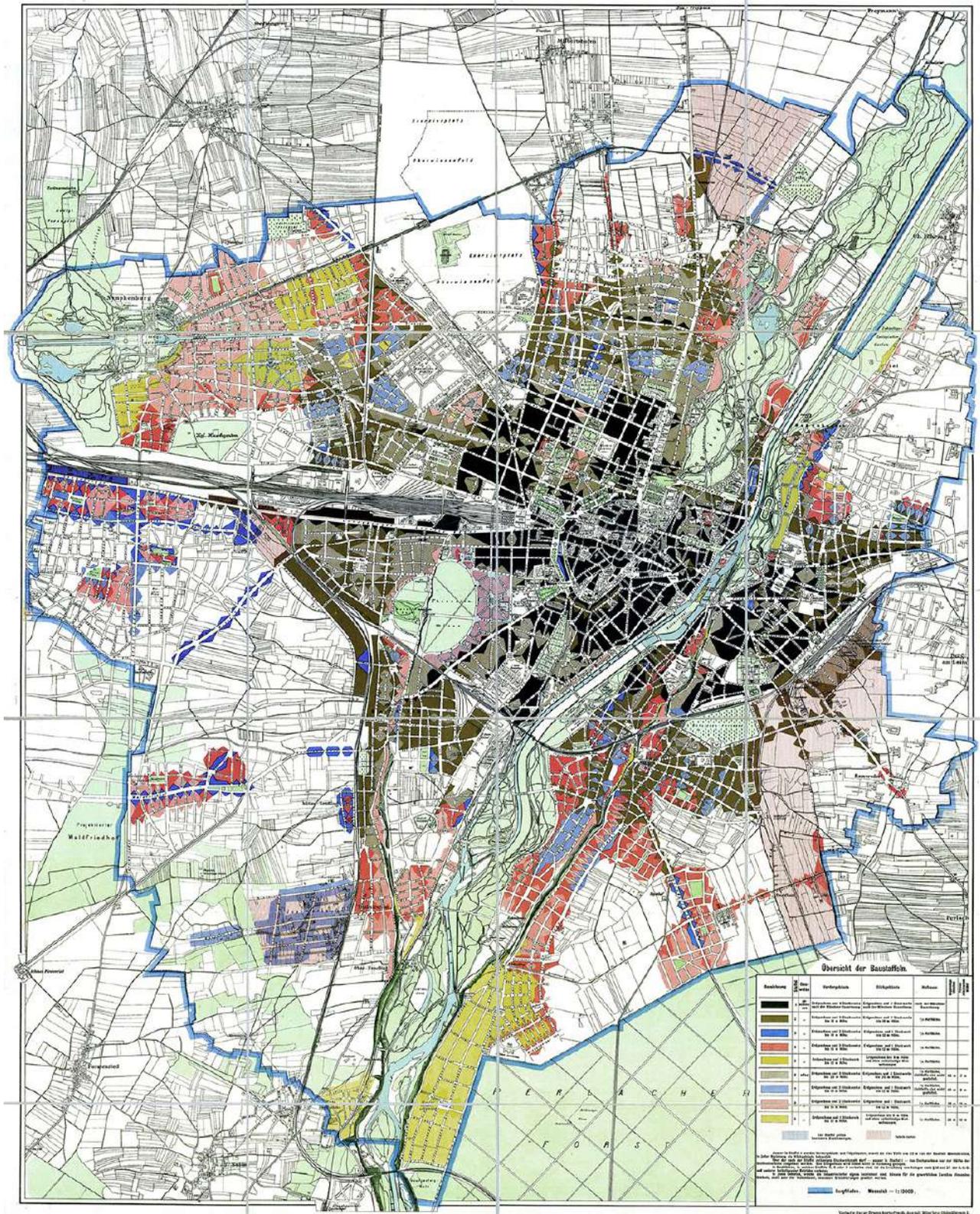

Рис. 5. План существующей застройки и расширения Мюнхена (Staffelbauplan) 1904 г. с цветовыми обозначениями видов застройки (штафелей) в разных районах города (muenchen.de)

Staffelbauplan der K.Haupt-und Residenzstadt München 1904,ergänzt bis 1912

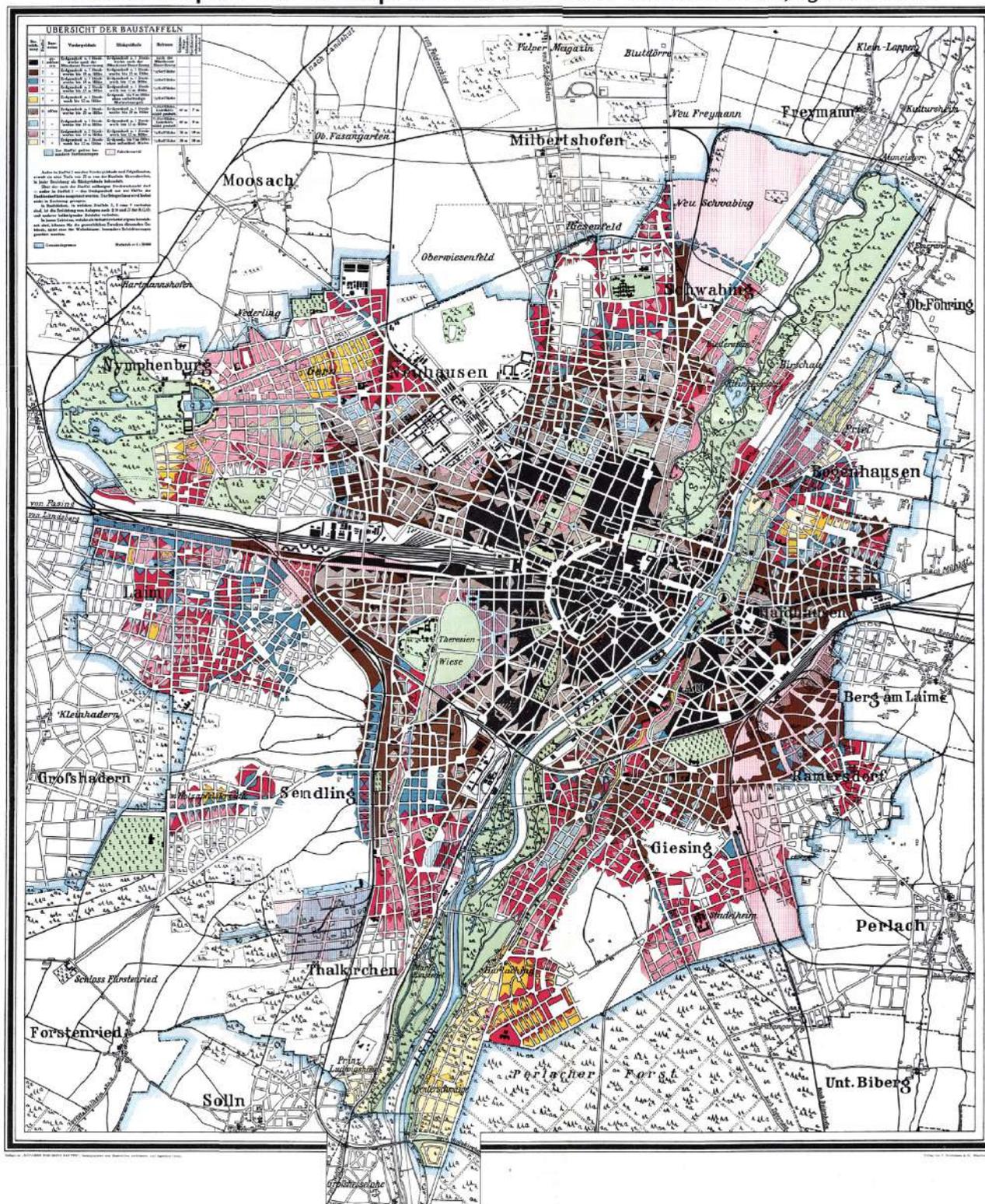

Рис. 6. План застройки и расширения Мюнхена (Staffelbauplan) 1904 г. с дополнениями 1912 г. и цветовыми обозначениями видов застройки (штаффелей) в районах города (muenchen.de)

Bezeichnung	Stafel	Bauweise	Vordergebäude	Rückgebäude	Hofraum	Ergebnis Hofraum Flächen- prozentige Auslastung
	1	geschlossen	Erdgeschoss und 4 Stockwerke nach der Münchener Bauordnung.	Erdgeschoss und 3 Stockwerke nach der Münchener Bauordnung.	nach der Münchener Bauordnung.	
	2	"	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 18 m Höhe.	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 18 m Höhe.	1/4 Hoffläche.	
	3	"	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 18 m Höhe.	Erdgeschoss und 1 Stockwerk bis 12 m Höhe.	1/4 Hoffläche.	
	4	"	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 15 m Höhe.	Erdgeschoss und 1 Stockwerk bis 12 m Höhe.	1/4 Hoffläche.	
	5	"	Erdgeschoss und 1 Stockwerk bis 12 m Höhe.	Erdgeschoss bis 9 m Höhe und ohne selbständige Mietwohnungen.	1/4 Hoffläche.	
	6	offen	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 20 m Höhe.	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 20 m Höhe.	1/4 Hoffläche, Lichthöfe sind nicht gestattet.	45 m 7 m
	7	"	Erdgeschoss und 3 Stockwerke bis 18 m Höhe.	Erdgeschoss und 1 Stockwerk bis 12 m Höhe.	1/4 Hoffläche, Lichthöfe sind nicht gestattet.	45 m 9 m
	8	"	Erdgeschoss und 2 Stockwerke bis 15 m Höhe.	Erdgeschoss und 1 Stockwerk bis 12 m Höhe.	1/4 Hoffläche.	36 m 10 m
	9	"	Erdgeschoss und 1 Stockwerk bis 12 m Höhe.	Erdgeschoss bis 9 m Höhe und ohne selbständige Mietwohnungen.	1/4 Hoffläche.	38 m 10 m

Zur Staffel gelten besondere Bestimmungen. Fabrikviertel.

Assauer in Staffel 1 werden Vordergebäude und Flügelbauten, soweit sie eine Tiefe von 22 m von der Baulinie überschreiten, in jeder Richtung als Rückgebäude behandelt.
Über der nach der Staffel zulässigen Stockwerkszahl darf — ausser in Staffel 1 — das Dachgeschoss nur zur Hälfte der Dachbodenfläche ausgebaut werden. Das Stiegenhaus wird hierbei nicht in Rechnung gezogen.
In manchen, in welchen Staffeln 5, 6 oder 9 vorkommen sind, ist die Errichtung von Anlagen nach § 16 und 27 der R.-B.-O. und anderer heftiger Betriebe verboten.
In jenen Gebäuden, welche als industriell oder sonst bezeichnet sind, können für die gewöhnlichen Zwecken dienenden Gebäude, nicht aber für Wohnhäuser, besondere Erleichterungen gewährt werden.

Burgfrieden. Massstab = 1:13000.

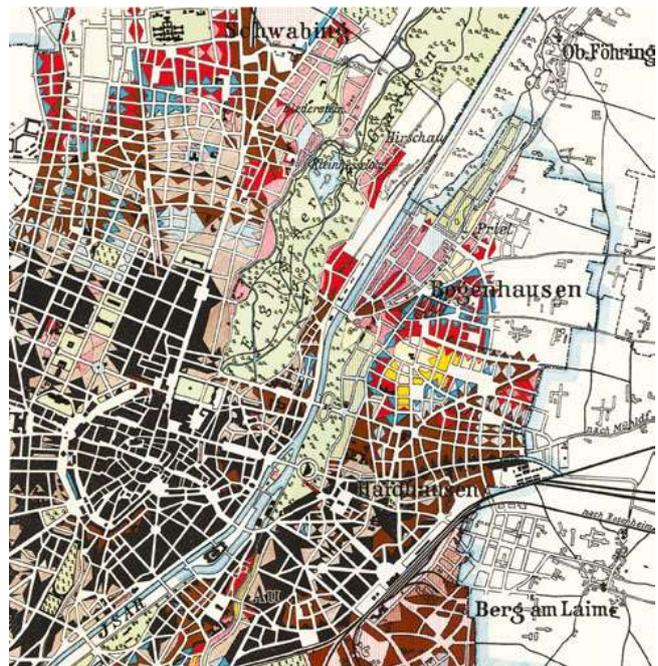

Рис. 7. Цветовые обозначения штафелей и фрагмент плана расширения Мюнхена (1912 г.)

и расстояния между ними. На основании этого он сформировал вначале 4, а затем 9 элементарных градостроительных единиц, названных им штафелями (staffel) (рис. 4).

Штафели №1 – №5 были разработаны для закрытой (брандмаурной) застройки, штафели №6 – №9 – для открытой или «павильонной». Уже после принятия регламента, примерно в 1920 г., их перечень был дополнен штафелем №10 [17] для открытой застройки с низкой плотностью на окраинах города. Штафель №1 был разработан по существу для упорядочивания плотной застройки в центре города и допускал максимальную высоту здания 22 м, площадь двора в 1/4 площади застройки, которую, при обоснованной необходимости, строительная полиция могла разрешить ещё уменьшить. В остальных штафелях высоты зданий были ниже, площадь двора – не менее 1/3, а в штафеле №9 – не менее 1/2 площади застройки [26]. На основе разработанной системы штафелей к 1900 г. был составлен план застройки и расширения города (рис. 5-6). При этом зона застройки одним штафелем могла граничить лишь с застройкой соседним (открытым или закрытым) (рис. 7), а разнообразие достигалось планировкой площадей и общественными зданиями, которые в застройке доминировали, и для этого также активно использовались особенности рельефа.

Для Фишера акцент на отдельных элементах гарантировал «объединение всех частей в единство, в котором все части, от наименьшего до главного, имеют свою собственную судьбу и прекрасны тем, что они выполняют свое предназначение в целом». В Бogenhausen земельная компания ради выгоды решила на месте такого общественного здания построить больше жилых домов, но разрешения не получила, так как, по мнению

Фишера, концепция «широкомасштабного развития внешних районов была бы этим сорвана» [18].

Таким образом, вероятно, впервые удалось достигнуть прогресса в соединении двух самых важных инструментов планирования: строительного регламента и плана зонирования. Сделано это было ради достижения одной цели: «в определенных пределах каждый может строить так, как ему требуется, с единственным условием, чтобы он не оскорблял соседа или общественный вкус» [23]. В 1901 г. Фишер, из-за невозможности реализовать свой проект по застройке Угольного острова (Kohleninsel), уволился из Бюро расширения, и с 1 ноября стал профессором строительного проектирования Технического университета в Штутгарте. План и регламент были приняты в 1904 г. и далее несколько раз принимались их изменения и дополнения, последнее из которых произошло в 1959 г. План и строительный регламент Фишера действовали до 1979 г. Такие планы застройки и расширения после Мюнхена он разработал для более чем 20 городов.

В годы Второй мировой войны Мюнхен, как и все немецкие промышленные города, был подвергнут англоамериканским бомбардировкам. Ему повезло больше, чем Гамбургу и Дрездену, однако треть его жилого фонда была практически уничтожена, а ещё треть получила серьезные повреждения. Однако, при восстановлении города было решено существенных изменений в его план не вносить, ограничившись расширением ряда улиц в связи с изменившимися условиями движения: «Преимущество существовала не только в красных линиях и строительных штафелях, но и в самом подходе к градостроительному планированию» [27].

Заключение

Теодор Фишер всегда искал и находил новое, но при этом вглядывался в историю мест, зданий и людей этих мест, чтобы новое явилось продолжением и развитием старого и таким образом возникала преемственность. Так в техническом университете Штутгарта он вместе со студентами изучал местные народные методы строительства и технологии, в частности технологию швабской штукатурки. Не менее бережно он относился к личностям своих студентов и предпочитал не навязывать свои представления, а развивать именно то, что для данного человека было органично и свойственно ему. Поэтому в Штутгарте (1901-1908), а затем, вернувшись в Мюнхен в 1908 г., как профессор архитектуры в Техническом университете (1908-1928), а также обучая в своей мастерской, он стал *«наставником целого поколения архитекторов»* [28], при этом одни стали выдающимися модернистами (Бруно Таут, Эрнст Май, Эрих Мендельсон, Хуго Херинг и Якобус Ауд), а другие – выдающимися представителями консервативного направления. Его методика обучения архитектуре на практике, которую он упорно продвигал (два года учёбы в университете и три года ремесла в мастерской), фактически стала основой методик преподавания Баухауса. В 1907 г. Фишер стал одним из основателей и первым председателем Немецкого Веркбунда, объединения художников и ремесленников, на почве идей которого Баухаус, собственно, и родился. Тем не менее, его активная позиция по бережному отношению к *«культурной памяти»* мест, а также то, что консервативные архитекторы Штутгартской школы (его ученики) называли его своим *«духовным отцом»*, стали причинами причисления Фишера к консерваторам.

Однако, когда нацисты, придя в 1932 г. к власти пока лишь в Дессау, стали разгонять Баухаус, Теодор Фишер в журнальной статье решительно выступил в его защиту:

«Я знаю Баухаус только из его публикаций, и, хотя у меня есть довольно много опасений в отношении методов, которые практикуются там до сих пор, хотя я подозреваю, что ко мне там никогда не испытывали особой симпатии, я осознаю и признаю, что у этого начинания важная задача в развитии и право на это. Я знаю, что наше время не может идти равномерно, и что, поскольку я сам позволяю себе и заставляю себя пробовать, это же право должно быть предоставлено другим. ... Кто-то судорожно пытается выяснить, что на самом деле является «немецким». Все, что я знаю, это то, что фанатизм – не немецкое» [22].

Ещё более поразительно его выступление уже после прихода нацистов к власти во всей Германии, 8 октября 1933 г. в Золотом зале ратуши в Аугсбурге на празднике Боевого союза за немецкую культуру (Kampfbund für deutsche Kultur). Перед этим Боевой союз, при общем руководстве Немецкого студенческого союза, 10 мая 1933 г. участвовал в *«Акции против негерманского духа»*, где на площадях немецких

городов были публично сожжены десятки тысяч *«немецких»* книг. Вероятно, Фишера на этот праздник, где в Золотом зале присутствовали высшие руководители нацистской партии, пригласили как известного всем им *«консерватора»* и *«хранителя немецких ценностей»*. Однако, он посчитал необходимым прочесть этим людям, ослеплённым нетерпимостью и мракобесием, лекцию о том, что он считает немецкой ценностью и сделанным впервые самостоятельным вкладом немецкой нации в мировую архитектуру. Лекция была о модернизме, который в Германии называли *«новым строительством»* (Neue Bauen), архитекторы которого ещё до прихода нацистов к власти стали с их стороны объектом травли и нападок:

«Форма – временное; рождается и проходит в соответствии с непоколебимыми законами, которые Бог установил для себя и для вечности. Итак, это законы Бога, а форма – это их выражение и их игра; мы живем и творим в них. ... Впервые в истории немецкого искусства мы видим зародыши новой формы выраженного на немецком языке. ... Очищение было неизбежно, избыток был везде; но в Германии он был самым большим. Оно должно было исходить из Германии, и оно пришло: сегодня англичане и итальянцы едут к нам, чтобы увидеть немецкое новое строительство, как около 1200 года наши каменщики отправились во Францию или около 1500 года Альбрехт Дюрер и остальные в Италию. ... Само собой разумеющимся было желание и необходимость упрощать и упрощать, снова и снова. Нам нравилось, когда нас называли пуританами, архитекторами бедных людей, потому что мы знали, что путь правильный. Но хуже всего было то, что новое строительство стало модой! Мода – враг всех глубин. Движение было задумано глубоко внутри. Мода, посредственность и снобизм убивали его. ... То, что этот поворот совпал с новыми непроверенными материалами и конструкциями, пропагандируемые экономикой, было одной из опасностей, которые сопровождали новое строительство. ... Это и мода затмили здоровое ядро в глазах тех, кто не смотрел глубже инстинктов обычных людей, процветание которых было подвержено опасности. Злоумышленники нарисовали искаженную картину, которая очень напоминает пропаганду о зверствах за границей в последнее время. ... Здание школы, на десятилетия загнанной в казарму, превращается в широкий малоэтажный дом со светлыми классами и открытыми залами. Так оно в сущности становится похожим на греческую гимназию и – чудо – даже форма похожа на великую греческую гимназию, без ущерба для того, что требует климат. Но вот главное: новая форма создана, а не заимствована. Если понять, что у этой формы нет ничего общего со стилизацией или украшением, то устраняется главная причина раздоров среди тех, кто должен работать вместе на благо Отечества, а не ненавидеть и оскорблять. ... Альбрехт Дюрер сказал: «Если я сейчас делаю одну или две колонны, чтобы научить моло-

дых людей этому, я думаю о немецкой душе. Потому что все, кто хочет построить что-то новое, тоже хотели бы иметь новый стиль, которого никогда не видели раньше». Так думали немцы! ... Да здравствуют люди, которые делают в искусстве потрясающее, то, что там должно быть!» [29]

После этой лекции, опубликованной вначале в декабре 1933 г. в *Deutsche Bauzeitung*, в январе 1934 г. в *Beilage zum Baumeister*, затем в сокращённом виде с высшей оценкой в Швейцарии [30], Теодор Фишер в том же году издал книгу «Две лекции о пропорциях» (*Zwei Vorträge über Proportionen*) и в дальнейшем отошёл от активной деятельности (рис. 8), воспринимая все более хладнокровно [31] события в стране. Когда он умер 25 декабря 1938 г., на похоронах был только самый близкий круг его друзей.

Очевидно, что сегодня строительные нормы, на основании которых в начале XX в. разрабатывались регламент и план Мюнхена, полностью устарели. Однако, концепции этого регламента и плана в последнее время привлекают всё большее внимание немецких исследователей [18-21, 32-33] как возможное решение проблемы устойчивого развития города. В 1922 г. М.Я. Гинзбург написал: «С момента своего зарождения до наших дней, зодчество в своих формальных элементах; отдельных расчленениях и композиции масс, одухотворено лишь одними законами ритма, определяющими собой подлинную сущность всякого архитектурного произведения» [34]. Согласно Фишеру, ритм рождался в результате движения по его городу. Поэтому его идеи, реализованные в Мюнхене, могут представлять интерес и в российских условиях: как при проектировании новых, так и при развитии старых городов, с сохранением (восстановлением) их исторической среды.

Библиографический список

1. Ахмедова Е.А. Методика комплексных исследований пространственно-планировочной структуры исторического поселения (на примере Самары) // Проблемы градостроительной реконструкции. - Самара, 2019. С. 28-35.
2. Крайняя Н.П. О механизмах культуры в формировании целостной архитектурной среды городов // Современная архитектура мира. 2016. № 7. С. 131-140.
3. Вавилонская Т.В. Определяющая роль деятельностных субъектов в развитии архитектурно-исторической среды Самарского Поволжья // Градостроительство и архитектура. 2017. Т. 7. № 1 (26). С. 82-86.
4. Ахмедова Е.А. Стратегические направления градостроительного развития поволжских городов в генеральных планах нового поколения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 6 (70). С. 160-168.
5. Корякин Ю.М. Генеральный план Самары: проект и реальность // Традиции и инновации в строитель-

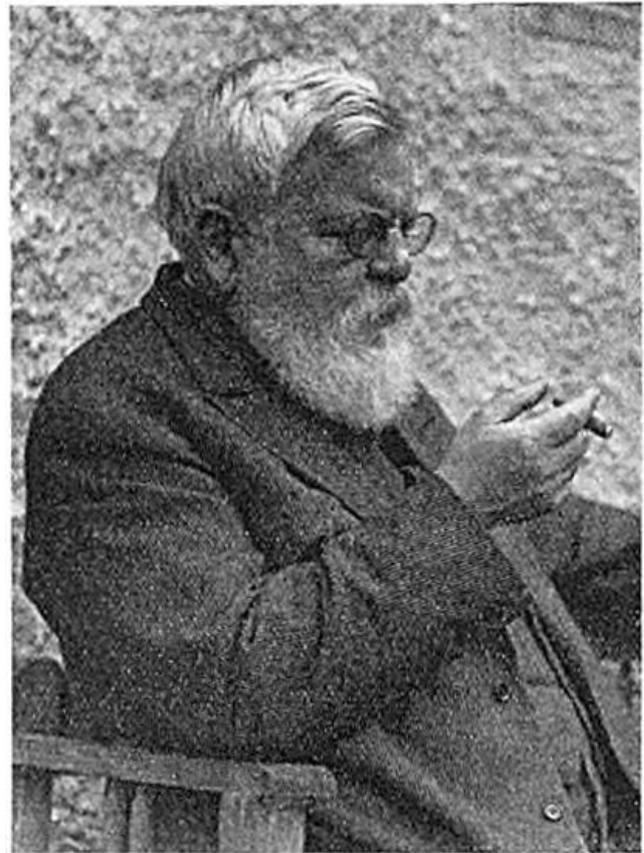

Рис. 8. Теодор Фишер в конце жизни [28]

- стве и архитектуре. Архитектура и градостроительство: сборник статей. – Самара, 2019, с. 656-665
6. Орлов Д.Н., Орлова Н.А. Историческая среда в современных экономических условиях // Innovative Project. 2017. Т. 2. № 3 (7). С. 30-36.
7. Шувалов М.В., Комаров Д.С. Первоочередные мероприятия реновации зон исторической застройки городов // Градостроительство и архитектура. 2018. Т. 8. № 3 (32). С. 62-67.
8. Семенцов С.В. Этапы формирования пространственной среды Санкт-Петербурга // Вестник гражданских инженеров. 2006. № 2 (7). С. 15-20.
9. Семенцов С.В. Этапы формирования пространственной среды Санкт-Петербурга. Часть 2 // Вестник гражданских инженеров. 2006. № 3 (8). С. 21-26.
10. Семенцов С.В. Средовое зонирование, градостроительная регламентация и правила застройки исторических районов Санкт-Петербурга // Вестник гражданских инженеров. 2009. № 4 (21). С. 13-18.
11. Стадников В.Э. Метод бесконфликтной реновации типового регулярного квартала исторического российского города // Архитектон: известия вузов. 2010. № 4 (32). С. 5.
12. Самогоров В.А., Рыбачева О.С. Реконструкция исторической части Самары с учетом сложившихся границ участков землепользования (дворовых пространств) // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного универ-

- ситета. Серия: Строительство и архитектура. 2013. № 31-1 (50). С. 300-304.
13. Самогоров В.А. Историческая среда как модель будущего в учебном проектировании // Наука, образование и экспериментальное проектирование труды МАРХИ: материалы международной научно-практической конференции. 2015. С. 626-627.
  14. Гашенко А.Е. Архитектурно-градостроительная морфология как предмет системных исследований: элементный аспект // Вестник гражданских инженеров. 2015. № 6 (53). С. 5-13.
  15. Гашенко А.Е. Архитектурно-градостроительная морфология Новосибирска: монография / А.Е. Гашенко; Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств. — Новосибирск, 2016. — 192 с.
  16. Гнилomedов А.С. Эволюция плотности и функциональной насыщенности городской среды на примере Центральной планировочной зоны города Самары // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2014. № 2. С. 16-20.
  17. Hartl Johann, Münchner Staffelbauordnung 1904-1979. URL: <https://www.stadtgrenze.de/s/bbo/muestabo/muestabo.htm>
  18. Steffan Felix (2013) Theodor Fischers Stadtplanungen für München im Kontext der Städtebauthorie um 1900. Die Prinzregentenstraße. Ludwig-Maximilians-Universität München. Faculty of History and the Arts, DOI: 10.5282/ubm/epub.19145
  19. Wolfrum Sophie (2012) Können wir von Theodor Fischer lernen? Bauwelt. No.36. 50-53.
  20. Castorph Matthias (2016), Stadtbaukunst heute? TEC21, No.15, 30-35
  21. Gräwe C. (2012) Blicken wir zurück und vorwärts! Zu Theodor Fischers 150. Geburtstag. BaunetzWOCHE, #275, 4-18.
  22. Bodenschatz Harald (1989) Theodor Fischer: Architekt und Städtebauer (1862-1938). ARCH+, Jg. 22, Heft 98, 12-13
  23. Fischer Theodor (1922) Sechs Vorträge über Stadtbaukunst, München-Berlin: Oldenbourg, 93 S.
  24. Baumeister Reinhard (1876) "Stadterweiterungen in technischer, baupolizeilicher und wirtschaftlicher Beziehung", Berlin, Ernst & Korn, 492 S.
  25. Диканский М.Г. Постройка городов, их план и красота: 135 рисунков в тексте. – Петроград: Издание Н. П. Карбасникова, 1915, 308 с.
  26. Münchner Staffelbauordnung vom 20. April 1904: mit einer allgemeinen Übersicht über die wichtigeren baupolizeilichen Vorschriften der Kgl. Haupt- und Residenzstadt München, ferner mit Erläuterungen und einem Anhang. - München: C.H. Beck, 1904, 221 S.
  27. Enss Carmen (2013) "Altstadt im Umbau. Der Wiederaufbau des Münchner Kreuzviertels zwischen 1945 und 1958" Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktor-Ingenieurs. Fakultät für Architektur der Technischen Universität München, 315 S.
  28. Harbers Guido (1939) Theodor Fischer, Beilage zum Baumeister, Heft 2, s. 37-38
  29. Fischer Theodor (1934) "Gedanken zur Neuen Künstlerischen Form", Beilage zum Baumeister, Heft 1, s. 1-3
  30. Entwirrung der Begriffe II, Das Werk, 1934, Heft 2, s. 62-63
  31. Lutz Alfred (2011) Fischer, Theodor // Württembergische Biographien, - Bd. 2 - Stuttgart: Kohlhammer, - 358 S. s. 61-64
  32. Castorph Matthias (2019) Die Sichtachse – eine Papieridee? Standpunkte, No.2/3, S. 5-7
  33. Bäumler Klaus (2019) Weitsichtiger Schutz der Weitsicht. Theodor Fischer, die Staffelbauordnung und die Münchner Sichtachsen, Standpunkte, No.2/3., S. 8-10
  34. Гинзбург М.Я. Ритм в архитектуре. – Москва: Среди коллекционеров, 1923. – 119 с.

References

1. Akhmedova E.A. Methodology for comprehensive research of the spatial planning structure of a historical settlement (on the example of Samara) // Problems of urban planning reconstruction. - Samara, 2019. S. 28-35.
2. Kraynyaya N.P. On the mechanisms of culture in the formation of an integral architectural environment of cities // Modern architecture of the world. 2016. No. 7. S. 131-140.
3. Vavilonskaya T.V. The defining role of activity subjects in the development of the architectural and historical environment of the Samara Volga region // Town planning and architecture. 2017. Vol. 7.No. 1 (26). S. 82-86.
4. Akhmedova E.A. Strategic directions of urban development of the Volga cities in the general plans of the new generation // Bulletin of the Orenburg State University. 2007. No. 6 (70). S. 160-168.
5. Koryakin Yu.M. General plan of Samara: project and reality // Traditions and innovations in construction and architecture. Architecture and urban planning: a collection of articles. - Samara, 2019, p. 656-665
6. Orlov D.N., Orlova N.A. Historical environment in modern economic conditions // Innovative Project. 2017. Vol. 2.No. 3 (7). S. 30-36.
7. Shuvalov M.V., Komarov D.S. Priority measures for the renovation of zones of historical buildings of cities // Urban planning and architecture. 2018. Vol. 8. No. 3 (32). S. 62-67.
8. Sementsov S.V. Stages of the formation of the spatial environment of St. Petersburg // Bulletin of civil engineers. 2006. No. 2 (7). S. 15-20.
9. Sementsov S.V. Stages of the formation of the spatial environment of St. Petersburg. Part 2 // Bulletin of civil engineers. 2006. No. 3 (8). S. 21-26.
10. Sementsov S.V. Environmental zoning, urban planning regulations and building rules for historical areas of St. Petersburg // Bulletin of civil engineers. 2009. No. 4 (21). S. 13-18.
11. Stadnikov V.E. The method of conflict-free renovation of a typical regular quarter of a historical Russian city // Architecton: Izvestiya vuzov. 2010. No. 4 (32). S. 5.

12. Samogorov V.A., Rybacheva O.S. Reconstruction of the historical part of Samara taking into account the existing boundaries of land use areas (courtyard spaces) // Bulletin of the Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Building and architecture. 2013. No. 31-1 (50). S. 300-304.
13. Samogorov V.A. Historical environment as a model of the future in educational design // Science, education and experimental design, Proceedings of the Moscow Architectural Institute: materials of the international scientific and practical conference. 2015. S. 626-627.
14. Gashenko A.E. Architectural and urban planning morphology as a subject of system research: the elemental aspect // Bulletin of civil engineers. 2015. No. 6 (53). S. 5-13.
15. Gashenko A.E. Architectural and urban planning morphology of Novosibirsk: monograph / A.E. Gashenko; Novosib. State un-t of architecture, design and arts. - Novosibirsk, 2016. - 192 p.
16. Gnilomedov A.S. Evolution of the density and functional saturation of the urban environment on the example of the Central planning zone of the city of Samara // Vestnik SGASU. Urban planning and architecture. 2014. No. 2. S. 16-20.
17. Hartl Johann, Münchner Staffelbauordnung 1904-1979. URL: <https://www.stadtgrenze.de/s/bbo/muestabo/muestabo.htm>
18. Steffan Felix (2013) Theodor Fischers Stadtplanungen für München im Kontext der Städtebauthorie um 1900. Die Prinzregentenstraße. Ludwig-Maximilians-Universität München. Faculty of History and the Arts, DOI: 10.5282/ubm/epub.19145
19. Wolfrum Sophie (2012) Können wir von Theodor Fischer lernen? Bauwelt. No.36. 50-53.
20. Castorph Matthias (2016), Stadtbaukunst heute? TEC21, No.15, 30-35
21. Gräwe C. (2012) Blicken wir zurück und vorwärts! Zu Theodor Fischers 150. Geburtstag. BaunetzWOCHE, #275, 4-18.
22. Bodenschatz Harald (1989) Theodor Fischer: Architekt und Städtebauer (1862-1938). ARCH+, Jg. 22, Heft 98, 12-13
23. Fischer Theodor (1922) Sechs Vorträge über Stadtbaukunst, München-Berlin: Oldenbourg, 93 S.
24. Baumeister Reinhard (1876) "Stadterweiterungen in technischer, baupolizeilicher und wirtschaftlicher Beziehung", Berlin, Ernst & Korn, 492 S.
25. Dikansky M.G. Construction of cities, their plan and beauty: 135 drawings in the text. - Petrograd: Edition of N.P. Karbasnikov, 1915, 308 p.
26. Münchner Staffelbauordnung vom 20. April 1904: mit einer allgemeinen Übersicht über die wichtigeren baupolizeilichen Vorschriften der Kgl. Haupt- und Residenzstadt München, ferner mit Erläuterungen und einem Anhang. - München: C.H. Beck, 1904, 221 S.
27. Enss Carmen (2013) "Altstadt im Umbau. Der Wiederaufbau des Münchner Kreuzviertels zwischen 1945 und 1958" Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktor-Ingenieurs. Fakultät für Architektur der Technischen Universität München, 315 S.
28. Harbers Guido (1939) Theodor Fischer, Beilage zum Baumeister, Heft 2, s. 37-38
29. Fischer Theodor (1934) "Gedanken zur Neuen Künstlerischen Form", Beilage zum Baumeister, Heft 1, s. 1-3
30. Entwirrung der Begriffe II, Das Werk, 1934, Heft 2, s. 62-63
31. Lutz Alfred (2011) Fischer, Theodor // Württembergische Biographien, - Bd. 2 - Stuttgart: Kohlhammer, - 358 S. s. 61-64
32. Castorph Matthias (2019) Die Sichtachse – eine Papieridee? Standpunkte, No.2/3, S. 5-7
33. Bäumler Klaus (2019) Weitsichtiger Schutz der Weitsicht. Theodor Fischer, die Staffelbauordnung und die Münchner Sichtachsen, Standpunkte, No.2/3., S. 8-10
34. Ginzburg M.Ya. Rhythm in architecture. - Moscow: Among collectors, 1923. - 119 p.

Для ссылок: Филиппов В.Д. Теодор Фишер: план и строительный регламент Мюнхена 1904 г. // Innovative project. 2019. Т.4, №10. С.6-18. DOI: 10.17673/IP.2019.4.10.1

For references: Filippov V.D. Theodor Fischer: Plan and Building Regulations for Munich 1904 // Innovative project, 2019, Vol. 4, no. 10, pp. 6-18. DOI: 10.17673/IP.2019.4.10.1